

The background of the cover is a surreal, apocalyptic landscape. A massive, glowing orange and yellow full moon dominates the upper half of the frame. The sky is a deep, dark red. In the foreground, a lone figure in a dark coat and a light-colored helmet stands on a cracked, reddish-brown ground. Behind the figure, a forest of tall, thin, leafless trees with dark, gnarled trunks stretches into the distance. To the right, several tall, thin, grey stone pillars or obelisks rise from the ground. The overall mood is one of desolation and mystery.

Владимир Кожевников

**Хранители
последнего вздоха**

Владимир Кожевников

Хранители последнего вздоха

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Хранители последнего вздоха / В. В. Кожевников — «Автор»,
2026

Этнограф Орин Нес прибывает на планету Тассе, чтобы спасти расу кристаллических деревьев от умирающей звезды. Земляне предлагают бессмертие — оцифровку сознания. Но тассийцы встречают дар безмолвием. Вместо спасения они готовятся к ритуалу «Цветения» и поручают Орину узнать его суть. В мире, где одна мысль длится десятилетиями, Орин открывает чужую мудрость, переворачивающую представления о жизни и смерти. Проводником становится юный росток Эфемер — аномалия, способная говорить с человеком и задающая вопросы, от которых не укрыться. Научная экспедиция превращается в выбор между долгом перед человечеством и правом цивилизации завершить путь по-своему. «Хранители последнего вздоха» — история о столкновении двух вселенных, цене бессмертия и прощальной симфонии, что звучит лишь раз.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Прибытие в медленный мир	5
Глава 2. Уроки тишины	7
Глава 3. Архив корней	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Владимир Кожевников

Хранители последнего вдоха

Глава 1. Прибытие в медленный мир

Орин Нес замер у обзорного иллюминатора челнока. Багровые сполохи Тассе-Альфы — красного гиганта на излёте — окрасили его лицо, наполовину скрытое прозрачным шлемом, в тревожные малиновые тона. Раздувшаяся звезда нависала над планетой, точно готовая сорваться капля плазмы; её неровная фотосфера выбрасывала тяжёлые протуберанцы, и каждый такой выброс заставлял защитные экраны челнока отзываться глухим стоном. Планета Тассе вращалась внизу — изумрудно-серая сфера, расчерченная паутиной серебристых прожилок, будто антикварная ваза, собранная из осколков неведомым мастером.

«Красиво», — мелькнуло у Орина, но профессиональная привычка тотчас одёрнула его. Красота здесь была клиническим признаком конца. Термальная инверсия кристаллической жизни, зафиксированная приборами, означала, что процесс необратим. Тассийцы — разумные кристаллические деревья, чьё мышление растягивалось на столетия, — должны были погибнуть вместе со своим светилом. И человечество, великодушное и торопливое, прислало челнок с предложением оцифровать их сознания, даровав бессмертие в виде чистых данных.

— Господин Нес, посадка, — голос пилота звучал нарочито буднично. — Гравитация ноль-восемь, атмосфера пригодна, но шлем не снимайте. Пыльца.

Пыльца. Кремниевые чешуйки, посредством которых тассийцы обмениваются памятью через прикосновение корней. Для человеческих лёгких — взвесь микроскопических лезвий. Орин проверил герметичность шлема, активировал нагрудный регистратор и шагнул на аппарат.

Открывшаяся панорама была пугающе безмолвна. Кристаллический лес простирался до самого горизонта. Исполинские, до тридцати метров, структуры цвета дымчатого топаза, турмалина и мориона поднимались из растрескавшейся почвы. Их ветви представляли собой сложные фрактальные решётки, лишённые листьев; каждая грань улавливала последние лучи умирающего солнца, преломляла и посылала внутрь, где пульсировало едва заметное, живое сияние. Они были разумны. Они были бесконечно медленны. И они молчали.

Тишина звенела в ушах, будто натянутая струна. Орин приблизился к центральному менгиру — массивному кристаллу, покрытому иероглифами геологических трещин, — и произнёс слова приветствия, которые эмиттер преобразовал в последовательность низкочастотных вибраций. Ответа не было несколько минут. Затем динамики шлема ожили, синтезируя голос из резонанса недр:

— Ты... здесь. Спрашиваешь... снова... о... помощи. Мы... не... отвергли. Мы... ждали... понимающего.

Каждое слово падало в бездну времени. Орин, наученный долгими протокольными ожиданиями, терпеливо слушал.

— Я — Орин Нес, этнограф. Я хочу изучить ваше «Цветение». Только после этого Совет примет решение, принимать ли эвакуацию.

Снова пауза, длиной почти в вечность. Затем:

— Изучить... нельзя. Цветение... — не урок. Но... ты... настойчив. Совет... позволяет... смотреть. Росток... Эфемер... откроет... тебе... путь. Он... быстрый... сломанный быстротой.

«Сломанный быстротой» — эта формулировка поразила Орина. Он не успел осмыслить её, как у подножия одного из исполинов возникло движение. Из корневой зоны, переливаясь

в багровом свете, выкатился кристаллический объект высотой в человеческий рост — многогранная форма на тонких кварцевых ножках, передвигающаяся с тихим стеклянным перезвоном. Верхушка «ростка» раскрылась микроскопическим соцветием, и из него полилась речь — почти в человеческом темпе, но сохраняющая странную, угловатую поэзию:

— Я Эфемер. Мои слои растут слишком быстро. Я вижу ваши мгновения и сплетаю из них узор. Ты хочешь увидеть Цветение? Оно — единый вдох для тебя, но я покажу, как мы сворачиваем время в спору прощания. Следуй.

Орин заметил, что речь Эфемера лишена синтезаторных задержек, но полна образов, уходящих корнями в чуждую сенсорику. Он двинулся за ростком вглубь леса. С каждым шагом воздух становился плотнее, свет — гуще, а недра под ногами, казалось, отзывались глухим инфразвуком, словно лес прислушивался к пришельцу. Под подошвами хрустели осколки тысячелетних спор. Где-то впереди, в сердцевине стеклянного молчания, зрело то, что тас-сийцы считали своей последней песней.

Орин вдруг поймал себя на ощущении, что привычная шкала ценностей — спасти, сохранить, перенести — здесь даёт трещину. Он шёл за юным аномальным существом, рождённым эхом человеческой активности, и впервые испытывал не страх, а глубокое, почтительное замешательство: что, если спасение для этих форм жизни — не бесконечность, а вот эта странная, сжатая в миг красота исчезновения?

Глава 2. Уроки тишины

Эфемер катился впереди, и его кварцевые ножки выбивали по камню дробную, почти стеклянную мелодию — единственное свидетельство движения в мире, застывшем между вдохом и выдохом. Орин следовал за ним, и регистратор на его груди то и дело рябил помехами: глубокий гул леса искажал запись, будто сама реальность отвергала попытки заключить её в цифровой кокон.

— Ты кормишь светом мёртвую чешую, — произнёс Эфемер, не оборачиваясь. В его голосе, рождённом трепетом микроскопических лепестков, слышался оттенок не осуждения, а печального любопытства. — Зачем? Разве свет не лучше пустить в корни?

Орин взглянул на тускло светящийся экран прибора. В этой метафоре был свой резон.

— Мои корни слабы, — ответил он. — Мы не умеем хранить воспоминания в своём теле. Мы создаём для них внешние оболочки.

— Значит, ваши воспоминания не дышат. Не растут. Не соединяются с другими. — Эфемер на мгновение остановился, и его верхние грани поймали луч багрового солнца, разбросав по тропе россыпь рубиновых зайчиков. — Потому вы и хотите забрать наши. Чтобы заполнить пустоту, где должны быть корни.

Орин осёкся. Возразить было нечем. Вместо этого он задал вопрос, который всё настойчивее звучал в нём:

— Ты сказал, Совет позволил мне увидеть Цветение. Но почему именно я? Почему сейчас?

Эфемер возобновил движение, но теперь медленнее, и его перезвон стал ниже, глубже — задумчивее. Перед тем как ответить, он на долю секунды замер, повернувшись к лесу, и издал короткий, едва уловимый диссонирующий звон — не то вопрос, не то приветствие. Лес не ответил. Тишина осталась ненарушенной.

— Ты — полный сосуд, — произнёс росток наконец. — Ты прибыл не с мечом и не с ларцом для наших душ. Ты прибыл смотреть. Совет чует: Цветению нужен внешний свидетель. Тот, кто запомнит не суть, а тень. Тень нашей последней ноты. Мы уйдём в камень и свет. Тень унесёшь ты.

«Тень последней ноты». Орин ощутил, как холодок чужого, непостижимого замысла скользнул вдоль позвоночника. Миссия обретала измерение, которого никто на Земле не планировал и не смог бы понять, — не спасательная операция, а акт свидетельства, почти сакрального служения.

Тропа привела их на круглую поляну, окружённую стеной исполинских тёмных кристаллов. Здесь пространство ощущалось иначе: воздух казался гуще, свет — тяжелее, а безмолвие было не пустотой, но присутствием. Живым, деятельным безмолвием, подобным паузе перед первым ударом грома.

— Сядь, — велел Эфемер. — Будем учиться. Первый урок: слушать то, что длится дольше тебя.

Орин опустился на колючую, усыпанную слюдяной крошкой землю и закрыл глаза. Сердце отбивало тревожную, слишком быструю для этого мира дробь. Сначала — ничего, кроме шума крови в ушах. Затем сквозь этот шум начал проступать иной ритм: низкий, утробный, идущий не через уши, а через кости. Планета дышала. Её вдох длился минуту, выдох — ещё минуту. И это дыхание было пронизано более тонкой, почти неуловимой рябью — медленными волнами тепла и света, расходящимися от древних кристаллов.

Орин вдруг осознал, что эта рябь и есть мысль. Не импульс, не разряд — а медленное, как движение ледника, разворачивание образа. Одна мысль. Она началась, когда человечества ещё не существовало, и закончится, когда его корабли уже уйдут в гиперпрыжок.

И в этот миг случился сдвиг. Время не замедлилось — оно разомкнулось. Орин перестал чувствовать границу между «сейчас» и «потом». Краски под закрытыми веками вспыхнули и зажили собственной жизнью: багровый цвет звезды стал вкусом меди на языке, тепло кристаллов — цветом давленной вишни, а гул планеты — ароматом сырой глины. Он качался на волнах чужого сознания, как щепка в океане, и это было не страшно — это было почти целительно.

Он распахнул глаза. Мир уже не был прежним. Кристаллы обрели глубину, их грани стали прозрачнее, а в сердцевинах пульсировало не просто свечение — в нём угадывались смыслы, недоступные, как музыка сфер. Орин с трудом подбирал слова: человеческий язык после пережитого казался дубиной, которой пытаются играть сонату.

— Твои пигментные пятна расширились, — прокомментировал Эфемер. — И запах твой стал сложнее. Ты начал слышать. Но это только первый шаг.

Орин сглотнул, возвращая себе способность формулировать.

— Ты говорил... ты «сломан быстротой». Что это значит для тебя самого?

Эфемер медленно, почти торжественно, сомкнул и разомкнул лепестки. Жест, подобный вздоху.

— Мои корни впитали яд вашего железа, упавшего с неба. Яд разорвал мой ритм. Теперь я думаю быстро, как вы, — и для леса я стал тишиной. Я — черенок без почвы. Мост, по которому никто не идёт.

Орин молчал. Слова были слишком грубы. Наконец он произнёс:

— Я могу быть слушателем, Эфемер. Только слушателем. Это всё, что у меня есть.

Росток повернул к нему свои грани, и в их отражении багровый свет на мгновение показался почти тёплым.

— Иногда слушатель — это уже корень. Хорошо, торопыга. Слушай дальше. Следующий урок будет о том, как сворачивают время в спору. И он будет долгим. Очень долгим.

Глава 3. Архив корней

Урок длился. И длился без конца.

Орин потерял счёт времени почти сразу. На Тассе не было ни смены дня и ночи — багровый гигант висел недвижно, заливая лес ровным малиновым свечением, — ни привычных биологических ритмов. Он ел, когда позволял голод; спал урывками, привалившись к тёплому боку кристалла; и снова погружался в медитацию. Эфемер требовал всё большего: теперь Орин должен был не просто слышать общий ритм леса, но различать в нём отдельные «голоса» — уникальные вибрационные паттерны, каждый из которых принадлежал конкретному дереву. Это было сравнимо с попыткой выделить в шуме прибоя звук каждой отдельной волны.

— Ты всё ещё слушаешь ушами, — ворчал Эфемер, и его ножки выбивали по камням раздражённую, колючую дробь. — Уши — это лишь кожа на костях. Слушай позвонками. Слушай корнями, которых у тебя нет. Вообрази их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.